

ТАВРИЧЕСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Подписка
принимается
въ редакціи
Епарх. Вѣдом.
въ Симфероп.
Духовной
Семинаріи.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ
МѢСЯЦЪ.

№ 11.

1-го Іюня 1889 года.

Цѣна
за годовое
изданіе съ
пересылкою
и безъ
пересылки
5 рублей.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Таврическая Духовная Консисторія Слушала: отношеніе Г-на Оберъ Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 24 Апрѣля с. г. за № 2255 на имя Его Преосвященства слѣдующаго содержанія: На основаніи приложеннаго къ ст. 53 Уст. воин. повин. (изд. 1886 г.) временнаго списка учебнымъ заведеніямъ, съ раздѣленіемъ ихъ на разряды по отбыванію воинской повинности, разд. В., подразд. 1, п. 1, духовныя училища относятся, наравнѣ съ другими низшими учебными заведеніями разныхъ вѣдомствъ, къ III разряду; при чемъ воспитанникамъ этихъ училищъ, окончившимъ курсъ 3 класса, предоставляются права окончившихъ курсъ въ заведе-

ніяхъ третьяго разряда, не окончившихъ же курса въ этомъ классѣ—права окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ четвертаго разряда, при условіи пребыть въ училищѣ не менѣе года и получить отъ онаго свидѣтельство о знаніи курса начальныхъ училищъ. Хотя въ этомъ постановленіи Уст. воин. повин. нѣтъ никакого указанія на то, что подъ именемъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ 3 класса духовныхъ училищъ слѣдуетъ разумѣть собственно окончившихъ курсъ этого класса съ успѣхомъ; но, по общепринятому воззрѣнію, подъ именемъ окончившихъ курсъ какого либо класса обыкновенно разумѣются только такіе воспитанники, которые, пройдя этотъ курсъ успѣшно, удостоиваются перевода въ слѣдующій, высшій классъ, и если не поступаютъ въ оный, то дѣлаютъ, это или по болѣзни, или по домашнимъ обстоятельствамъ, вообще по своимъ личнымъ соображеніямъ, но не потому, что не были признаны достойными этого поступленія.

Выходя изъ такого воззрѣнія Военное Министерство обыкновенно предоставляетъ льготу 3 разряда по отбыванію воинской повинности только такимъ воспитанникамъ 3 класса духовныхъ училищъ, которые прошли курсъ онаго съ успѣхомъ и могли быть переведены въ 4 классъ, но отнюдь не уволеннымъ или исключеннымъ изъ 3 класса по малоуспѣшности. Такого же воззрѣнія держится въ этихъ случаяхъ и Центральное Управление Духовнаго вѣдомства. Между тѣмъ въ Военномъ Министерствѣ были замѣчаемы не рѣдкіе случаи выдачи правленіями духовныхъ училищъ воспитанникамъ, выходящимъ изъ 3 класса оныхъ по ма-

лоуспѣшности, или вообще неудостоенымъ перевода въ слѣдующій высшій классъ, такихъ свидѣтельствъ, по коимъ имъ усвоились права на льготу по отбыванію воинской повинности, принадлежащія кончившимъ курсъ воспитанникамъ учебныхъ заведеній третьяго разряда. Въ виду сего Военный Министръ нынѣ проситъ меня сдѣлать распоряженіе къ устраненію на будущее время случаевъ не правильной выдачи такихъ Свидѣтельствъ. Раздѣляя съ своей стороны, мнѣніе Военнаго Министра по настоящему предмету, долгомъ поставляю покорнѣйше просить Ваше Преосвященство разъяснить Начальствамъ духовныхъ училищъ ввѣренной Вамъ епархіи, для надлежащаго соображенія и руководства при выдачѣ ученикамъ подвѣдомыхъ имъ учебныхъ заведеній свидѣтельствъ, что подъ именемъ окончившихъ курсъ 3 класса духовныхъ училищъ, упоминаемыхъ въ вышеозначенномъ приложеніи къ 53 ст. Уст. воин. повин., слѣдуетъ разумѣть только такихъ воспитанниковъ, которые успѣшно прошли курсъ этого класса и удостоены, по экзамену, перевода въ слѣдующій 4 классъ, и что, слѣдовательно, прошедшіе хотя бы и полный курсъ 3 класса, но по испытаніи не получившіе балловъ, дающихъ право на переходъ въ 4 классъ, по отбыванію воинской повинности не могутъ пользоваться льготою, усвоенною окончившимъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ третьяго разряда, а должны пользоваться правами, предоставленными окончившимъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ низшей категоріи т. е. четвертаго разряда. На отношеніи этомъ послѣдовала Архипастырская резолюція, отъ 30 Мая за № 2270, слѣдующаго содержанія: Сдается во свѣдѣнію Консисторіи, во-

торая сдѣляетъ распоряженіе о напечатаніи сего распоряженія въ Тавр. епархіальныхъ вѣдомостяхъ и сообщитъ объ этомъ Правленію Симфер. духовнаго училища къ руководству».

Приказали: Исполнить резолюцію Его Преосвященства.

II.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Священникъ м. Геническа Григорій Лебедевъ перемѣщенъ къ Николаевской церкви села Марьино, Перекопскаго уѣзда, а на его мѣсто рукоположенъ воспитанникъ Бурской Д. Семинаріи Іоаннъ Дашкѣевъ.

Іеродиаконъ Амфилохій перемѣщенъ изъ Космо-Даміановской виновіи въ Инкерманскую.

Воспитанникъ Симферопольскаго духовнаго училища Даниилъ Фарбовскій опредѣленъ псаломщикомъ къ Больше-Токмакской Троицкой церкви.

Священникъ Верхне-Сѣрогозской Космо-Даміановской церкви Михаилъ Шарковъ за смертію исключенъ изъ списковъ.

Священническій сынъ Георгій Бояновичъ опредѣленъ въ число послушниковъ Катерлезской Георгіевской виновіи.

Псаломщикъ Троицкой Больше-Токмакской церкви Даміанъ Дыбскій рукоположенъ во священника къ Николаевской церкви села Чулаковки, Днѣпр. уѣзда.

Священникъ села Вячеславки, Бердянскаго уѣзда, Дмитрій Трусовъ за смертію исключень изъ списковъ.

Состоящій на псаломщицкой вакансіи діаконъ Кирилло-Меодіевской церкви села Палаузовки, Бердянскаго уѣзда Стефанъ Михо и псаломщикъ села Андреевки, Θεодосійскаго уѣзда, Василій Поповъ перемѣщены, согласно прошенію, одинъ на мѣсто другаго.

III.

ОБЪЯВЛЕНІЕ, присланное на имя Его Преосвященства, преподавателемъ церковнаго пѣнія въ Нижегородской Духовной Семинаріи Діакона Михаила Коневскаго слѣдующаго содержанія.

Съ благословенія Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Модеста Епископа Нижегородскаго и Арзамасскаго открыта подписка среди Духовенства Нижегородской Епархіи на имѣющее выйти въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени дозволенное къ напечатанію Московскимъ Духовно-цензурнымъ Комитетомъ, отъ 25 Марта 1888 года, нотное изданіе «Всенощнаго Бдѣнія и Божественной Литургіи Св. Іоанна Златоустаго и Василя Великаго», положенныхъ на ноты преподавателемъ церковнаго пѣнія въ Нижегородской Духовной Семинаріи діаконѣмъ М. Коневскимъ для трехъ дѣтскихъ голосовъ, съ которыми одинаково могутъ исполнять тѣ же ноты и мужскіе голоса.

Пѣснопѣнія, вошедшія въ составъ этого изданія, частію состоятъ изъ переложеній древнихъ обиходныхъ

напѣвовъ и частію изъ переложеній мѣстныхъ обычныхъ напѣвовъ, которые на равнѣ съ древними могутъ быть исполняемы какъ въ церквахъ, такъ и въ Духовныхъ Училищахъ, образцовыхъ при семинаріяхъ, церковно-приходскихъ и народныхъ школахъ, служба въ послѣднихъ въ тоже время предметомъ изученія. (См. церк. шк. 1888 г. за № 3 стр. 63—71).

Лицамъ, письменно заявившимъ свое желаніе не позже марта мѣсяца будущаго 1889 года, приобрѣсти это изданіе отъ составителя діакона М. Коневского, вышлетса оное немедленно вмѣсто назначенной цѣны 1 р. 20 коп. за 80 коп. каждый экземпляръ всего изданія. Изданіе, заключающа въ себѣ отъ 70 до 80 стр., будетъ напечатано на лучшей почтовой бумагѣ большаго формата и рекомендуется какъ самое дешевое изъ всѣхъ изданій подобнаго рода.

Кромѣ вышеуказаннаго изданія, отъ того же автора діакона М. Коневского можно получать вышедшія въ свѣтъ и разрѣшенныя Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Модестомъ къ приобрѣтенію въ церковныя бібліотеки Нижегородской Епархіи слѣдующія брошюры: 1) Краткая исторія церковнаго пѣнія въ церкви Вселенской и мелодическаго пѣнія въ церкви Русской, ц. 25 коп. съ перес. 2) Исторія Гармоническаго пѣнія въ Россіи съ добавленіемъ краткихъ свѣдѣній объ организаціи церковныхъ пѣвческихъ хоровъ, ц. 25 коп. съ перес. и 3) Элементарный курсъ теоріи церковнаго партеснаго пѣнія цѣна 25 коп. съ пересыл.

Выписывающимъ 25 экзем. каждого изданія заразъ дѣлается скидка 10⁰/₀, 50 экз.—15⁰/₀, 100 экз.—20 ⁰/₀.

Вашего Преосвященства нижайшій послушникъ, преподаватель церковнаго пѣнія въ Нижегородской Духовной Семинаріи Діаконъ Коневскій, дерзаетъ обратиться съ покорнѣйшею просьбою оказать Архипастырское содѣйствіе къ распространенію вышеуказанныхъ изданій.

На объявленіи этомъ 10 текущаго декабря за № 4955 послѣдовала резолюція Его Преосвященства такова: «Объявление это напечатать въ Таврическихъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ, съ дозволеніемъ о.о. Благодѣтельнымъ монастырей и церквей выписать отъ автора брошюрку «Исторія гармоническаго пѣнія въ Русской церкви» для подвѣдомыхъ имъ причтовъ, на церковныя суммы если позволятъ средства къ приобрѣтенію этого изданія».

РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ

Большая хромо-фото-литографическая точная копія съ знаменитой картины художника А. А. Иванова.

„ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ“.

Съ подлинника, хранящагося въ Московскомъ публичномъ Румянцевскомъ Музеумѣ.—Огромныхъ размѣровъ

хромо-фото-литографія художественно исполненная — пояснительный историко-біографическій текстъ составленъ И. О. Токмаковымъ.

Картина „Явленіе Христа Народу“, писанная художникомъ А. А. Ивановымъ въ теченіи *тридцати лѣтъ*—сдѣлала цѣлую эпоху въ русской живописи; знаменитые художники какъ-то: Крамской, А. Праховъ и мн. др. нашли, что означенная картина *больше проникнута истинно-религиознымъ духомъ и върнѣе, въ историческомъ отношеніи, библейскому характеру событій, чѣмъ всѣ доселѣ извѣстныя заграничныя картины и иллюстраціи подобнаго рода, не исключая и Доре.*

Н. В. Гоголь въ своемъ знаменитомъ этюдѣ о картинѣ: „Явленіе Христа Народу“ раскрылъ намъ величіе истинно-русскаго и православнаго творчества Иванова и указалъ на него, какъ на главу русской живописи; это же подтверждаетъ и А. Праховъ въ статьѣ своей: Матеріалы для біографіи А. А. Иванова (жур. «Пчела» за 1875 г. № 23 и № 24). Равно какъ о помянутой картинѣ были вполне сочувственные отзывы въ жур. «Воскресный досугъ» 1867 г. № 231 и «Иллюстрированная недѣля» 1874 г. Нельзя такъ же не указать и на отзывъ Архимандрита Θεодора о картинѣ Иванова Спб. 1859 г.

Цѣна хромолито-литографической картинь: Лаки-
рованная на бумагѣ — 1 р. 50 к. на холстѣ 2 р. 50 к.,
За пересылку и упаковку на скаткѣ 50 к. Подписавшимся
на 10 и болѣе экземпля. 20% уступки.

Адресъ: Москва Мясницкая, магазинъ церковныхъ утва-
рей Сытовы сыновья, собств. домъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ТАВРИЧЕСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

№ 11

1-го Іюня 1889 года.

№ 11

I.

Учебники и пособія для обученія церковно-славянскому языку въ начальныхъ училищахъ.

(Окончаніе).

Вообще, манера нѣкоторыхъ авторовъ издавать въ одной книгѣ цѣлый курсъ начального обученія отзывается спекуляціей. Хочешь имѣть руководство по одному предмету — покупай всю книгу, тогда какъ въ ней нуженъ или полезенъ былъ бы только одинъ отдѣлъ. Упомянемъ здѣсь о такомъ сборникѣ свящ. Пономарева: *Первая школьная книжка*. Отдѣльно изданная имъ *Азбука для церковно-приходскихъ школъ*, 1885, Цѣна 1 коп., семь страничекъ русскихъ упражненій и 4 стр. ц.-сл. текста, ничтожна для дѣла. Но отдѣлъ церковно-славян. чтенія въ *первой книжкѣ* и хорошо составленъ и снабженъ подробными объясненіями и изображеніями церковныхъ принадлежностей. Онъ могъ бы быть полезнымъ, если не въ качествѣ руководства, то въ качествѣ пособія и для учителей и для

дѣтей*). Но русскій отдѣлъ книги составленъ весьма не удачно. 48 страницъ печати ученикъ долженъ пройти на чтеніи отдѣльныхъ словъ и предложеній. Затѣмъ прямо переходитъ онъ къ стихамъ и проходитъ на нихъ другихъ 48 страницъ. Наконецъ получается 32 стран. прозаической рѣчи. На всемъ почти текстѣ лежитъ печать игривости и пустоты. Въ первомъ отдѣлѣ дѣти обильно надѣляются истинами въ родѣ слѣдующихъ:— «Блохи мелки, но вусливы... Жженка вкусна... Этой ты дурень!.. Эхъ, какъ бы получить эполеты!.. Сладокъ поцѣлуй, да послѣдствія горьки... Уаръ Уаровичъ видѣлъ, какъ летѣлъ сычъ. Флоръ Филатьевичъ не слыхалъ, какъ кричалъ грачъ... Пѣвица на сцену является, лишь занавѣсъ открывается»... и т. д. Текстъ сопровождается рисунками иногда каррикатурными, иногда амурными.—Въ стихахъ и въ прозѣ какъ будто главная забота: поменьше умственного труда, побольше легкости и веселія.—И вотъ, ради порядочно составленной славянской части, покупай и эту часть, во многомъ неприличную и вредную для дѣтей!

*) Вычурны картинки, сопровождающія свящ. рассказы. Позы неприличныя священнымъ лицамъ, ансамбль противный духу сказанія, принадлежности костюма часто европейскія послѣдней моды (напр. шляпа на Іосифѣ Обручникѣ, при посѣщеніи Елисаветы Богоматерію. Притомъ о присутствіи при этомъ свиданіи Іосифа священ. Писаніе не упоминаетъ.

Имѣется нѣсколько букварей, которые могли бы быть полезными, если бы авторы исправили въ нихъ нѣкоторые недостатки. Таковы:

1., *Книга для упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи, для народныхъ школъ и церковно-приходскихъ.* Составилъ П. К. Черновъ. Ставрополь. 1887 г. Цѣна 25 коп. — Всѣ части въ немъ расположены толково, текста славянскаго достаточно для подготовки къ чтенію церковныхъ книгъ. Недостатки: ни слова не сказано въ объясненіе надстрочныхъ знаковъ. — Молитва предъ причащеніемъ сокращена, именно выброшенъ послѣдній отдѣлъ ея. — Подъ заглавіемъ *херувимскія пѣсни* приводятся: *Иже херувимы и Нынѣ силы небесныя.* Послѣдняя пѣснь не носитъ названія херувимской; поется она при совершенно иныхъ условіяхъ, когда сама «Жертва тайная, совершенна, дориносится», а не происходитъ только приготовленіе къ совершенію ея. — Приведены тропари на двенадцатые праздники — девять, три почему-то опущены. — Изъ трехъ, помѣщенныхъ въ *Книгѣ* псалмовъ, 90 й труденъ для дѣтей по языку и нѣкоторымъ понятіямъ («отъ сряца и бѣса полуденнаго» и др.). — Въ объясненіе словъ, встрѣчающихся при богослуженіи, весьма часты такія: „*Епитрахиль* — навыйникъ, нашейникъ»; «*Епископъ* — блюститель, надзиратель». «*Діаконъ* — служитель»; *Цотиръ* — сосудъ для питанія»; «*синодъ* — собраніе» и т. д. Это ли объясненія для дѣтей! Въ *Словарѣ*: «*Водоносы* — сосуды» (?); «*Обитель* — гостинница», «*отроча* — чадо» и т. д. Въ мѣсяцесловѣ почти сплошь только голыя имена, безъ

всякихъ поясненій, напр. 23 нояб. «св. Митрофана»; 11 іюля «св. Ольги» и т. д. Какой толкъ для дѣтей отъ такого мѣсяцеслова!

2., *Азбука церковно-славянская. Въ память 6-го апрѣля 1885 г. тысячелѣтія блаженной кончины св. Меодія.* Сост. Гортовымъ и Рязанцевымъ. — Изданіе роскошное, при цѣнѣ 15 коп. — Здѣсь, напротивъ, статья о надстрочныхъ знакахъ изложена въ отвлеченныхъ правилахъ, которыя требуется отъ дѣтей заучить на память, прежде всякаго чтенія славянскаго, что слишкомъ трудно для нихъ. — О титлахъ говорится, что онѣ «ставятся надъ словами часто встрѣчающимися», что не точно. — Текста для упражненія въ чтеніи мало, и въ немъ попадаются нерѣдко неправильныя ударенія (*камень, зеліѣ, зученіе, сѣнодѣ*). — Въ *Словарь* постоянны такіе переводы, только спутывающіе дѣтей: «*око—глазь... очи—глаза... путь—путь... пресвятая—въ высшей степени святая*» и т. д. Или «*Миро—благовонная жидкость*» (вм. масло); «*Ниспосли—пошли внизъ съ неба*» и т. п. — Въ длинномъ предисловіи «къ дѣтямъ» (рассказъ о славянахъ, о св. Кириллѣ и Меодіѣ, о крещеніи Руси и т. д.), немало свѣдѣній невѣрныхъ, въ родѣ напр., что славяне «выдумывали своихъ боговъ», что у русскихъ славянъ былъ только идолъ Перунъ, который будто бы стоялъ на берегу Днѣпра, что только русскіе и поляки живутъ подъ властію славянскаго государя, а прочіе славяне находятся подъ властію иностранныхъ государей (а Сербія? Черногорія) — что *нѣмцы* совершали богослуженіе на своемъ латинскомъ языкѣ и т. д.

3., *Церковно-славянская азбука и первая книга для ученія на церковно-славянскомъ и русскомъ языкѣ*. А. Радонежскаго. СПб. 1885. Цѣна 25 коп. Авторъ извѣстенъ въ педагогической литературѣ нѣсколькими дѣльными трудами. Предварительныя объясненія изложены довольно полно, но по мѣстамъ недовольно точно. Въ отдѣлѣ молитвъ нѣтъ ни одной утренней и вечерней молитвы. Затѣмъ рассказы изъ евангелій и изъ церковныхъ писателей (житій святыхъ и под.). Текстъ такимъ образомъ не разнообразный, недостаточный. — Главный недостатокъ: текстъ всюду сопровождается подстрочнымъ грамматическимъ разборомъ, который для дѣтей этого возраста недоступенъ и излишенъ. Въ предисловіи авторъ настаиваетъ на необходимости знанія дѣтьми славянской грамматики и ссылается при этомъ на предисловіе къ «Часовнику», изд. при патр. Іосифѣ. Но въ этомъ предисловіи говорится объ учителяхъ а не объ ученикахъ: «аще ли вамъ самымъ нѣсть въ искусствѣ сицевое ученіе, и вы зрите въ самую грамматику» ..

0 Букварѣ Карюкова (*Книга для обученія церковно-славянскому языку*). Въ 1886 г. второе изданіе, хотя и удостоившемся отъ нѣкоторыхъ критиковъ лестныхъ отзывовъ, не стоитъ и говорить. Предисловіе на русскомъ языкѣ, но ц.-слав. буквами (Откуда взялся славянскій языкъ) заключаетъ въ себѣ не мало несообразностей. За нимъ слѣдуютъ рассказы изъ евангелія. Никакого другого текста нѣтъ. Въ концѣ приложены славянскія спряженія и склоненія (!), притомъ по *старо-славянскимъ* формамъ,

хотя нѣкоторыя изъ нихъ уже не существуютъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, напр. *будева, идевь, идехова, бясва* и под.

Ближе къ дѣлу стоитъ вышедшій въ 1887 году *Азбуковникъ церковно-славянскаго языка съ изборникомъ для чтенія для начальныхъ училищъ* П. Случевского. Ц. 15 к.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что «наша народная школа должна служить преддверіемъ церкви». Основую обученія въ школѣ церковно-славянскому языку должны оставаться: часословъ, псалтирь и евангеліе, азбуковникъ же долженъ ограничиться сообщеніемъ дѣтямъ механической правильности чтенія и привычки сознательно относиться къ содержанію прочитаннаго. При изученіи азбуки (сначала сходныхъ, потомъ не сходныхъ съ русскими) онъ не прибѣгаетъ ни къ русскому тексту, ни къ отдѣльнымъ словамъ славянскимъ, но прямо приводитъ текстъ славянскій, для котораго примѣры выбираетъ удачно. Приложенныя здѣсь поясненія о выговорѣ буквъ (1—4) составлены толково. — Относительно титлъ онъ приводитъ замѣчаніе изъ одного стариннаго азбуковника о словахъ, означающихъ предметы священные: «подобаетъ писать не просто, но почитать взметомъ или покрытіемъ, яко вѣнцемъ славы». Конечно это свойство титлъ играло важнѣйшую роль у нашихъ старыхъ сивавщиковъ. Но къ этому присоединилось не мало словъ, вовсе не имѣющихъ священнаго значенія, напр. *наишъ, нынъ, солнце, мѣсяцъ* и т. д., надъ которыми часто вовсе не ставятся титла, тогда какъ надъ первыми всегда и неизмѣнно ставятся. — Надстрочные и

строчные знаки приведены всё и объяснены довольно точно. (9—11).—Въ сборникѣ для чтенія помѣщены употребительнѣйшія молитвы (мало), рассказы (семь) изъ евангелія о Господскихъ праздникахъ, при нихъ соотвѣтственные тропари, а за рассказомъ о воскресеніи Христовомъ ирмосы Пасхи. Затѣмъ псалмы 1, 14, 51 и 136, какъ отличающіеся, по мнѣнію автора, «глубокимъ лиризмомъ и высокимъ движеніемъ душевнымъ». Глубокое и высокое дѣтямъ не доступно; лучше для нихъ то, что проще и чаще употребляется, напр. псалмы 33, 50, 102, 103. Самъ авторъ чувствуетъ необходимость особеннымъ образомъ «помочь пониманію приведенныхъ имъ псалмовъ» и прилагаетъ къ каждому изъ нихъ подражанія Симеона Полоцкаго, Державина и Языкова. Но это уже совсѣмъ не годится, тутъ нужны только церковныя толкованія.—За псалмами слѣдуютъ «Правила благочестія и опыты житейской мудрости, выбранныя изъ св. Писанія, изъ Вечери душевныя, изъ Лѣтописи св. Димитрія Ростовскаго и изъ предисловія къ псалтири изд. 1645 г. «Наказаніе ко учителемъ, како имъ учить дѣти грамотѣ». Заглавіе этихъ статей вычурно, можно выбросить его.—Вообще видно, что авторъ приступалъ къ своему предмету не съ одними требованіями новѣйшей педагогики, но старательно изучалъ его и стоитъ на дорогѣ къ правильной постановкѣ его.

Но лучше всего постановлено обученіе церковно-славянской грамотѣ въ изданіяхъ достоуважаемаго Н. И. Ильминскаго.

Въ 1885 г. онъ издалъ: *Обученіе церковно-славян-ской грамоты въ начальныхъ народныхъ училищахъ (когда оно преподается послѣ русской грамоты), съ объ-яснительными замѣчаніями для народныхъ учителей и съ текстомъ для славянскаго чтенія.* Это изданіе не удобно было въ томъ отношеніи, что въ немъ уроки для учениковъ шли въ перемежку съ наставленіями для учи-теля, что могло затруднять учениковъ. Самыя объясненія для учителей, достаточныя въ части предварительной, возбуждали недоумѣніе въ части грамматической, которая для свѣду-щихъ учителей казалась излишнею, а для не свѣдущихъ не приносила существенной пользы. Г. Ильминскій самъ призналъ это неудобство, выдѣлилъ изъ книжки все, на-значенное для учителей, объ части пополнилъ, развилъ наставленія для учителей и въ 1887 году издалъ свой трудъ въ двухъ книжкахъ, подъ тѣмъ же заглавіемъ, назначивъ одну книжку *для учениковъ*, другую *для учи-телей*. Цѣна первой 15 коп., второй 20 коп.—Это второе изданіе труда г. Ильминскаго особенно въ отдѣлѣ для учителей составляетъ дорогое приобрѣтеніе для началь-ныхъ училищъ въ отношеніи церковно - славянскаго языка.

Содержаніе первой книжки. Азбука, въ рядъ, съ под-линными названіями буквъ, произношеніе или выговоръ буквъ, надстрочные знаки, титла, знаки препинанія, изо-браженіе чиселъ. Затѣмъ рассказы изъ ветхаго и новаго завѣта въ подлинномъ библейскомъ и евангельскомъ тек-стѣ, молитвы утреннія и вечернія, символъ вѣры и де-сять заповѣдей. Въ концѣ книжки объясненія славянскихъ

словъ и выраженій, малопонятныхъ для дѣтей и вовсе непонятныхъ, встрѣчающихся въ книгѣ.

Содержаніе, такимъ образомъ, не разнообразное. За то на всей этой книгѣ и на каждой ея строчкѣ лежитъ печать точности и опредѣленности, святости и неприкосновенности дѣла, простоты и ясности изложенія. Авторъ не считаетъ нужнымъ освободить учениковъ отъ изученія какихъ бы то ни было вѣшнихъ отличій ц.-славян. грамоты отъ русской, находя все это необходимымъ для правильного чтенія ц.-слав. рѣчи и для дальнѣйшаго изученія ея. Приводимые имъ примѣры для упражненія на каждый такой случай взяты исключительно изъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, — простые, прямые и мѣткіе. Объясненія словъ и выраженій основаны не на одномъ только переводѣ ихъ на русскій языкъ, но главнымъ образомъ на духѣ и смыслѣ священнаго текста, и отличаются строгою вѣрностью ему. По мѣстамъ, гдѣ нужда, приводятся и археологическія объясненія или историческія, сдѣланныя просто, вполне доступно для дѣтей.

Базалось бы, что, для большаго соотвѣтствія задачѣ букваря, необходимо было бы сократить число рассказовъ библейскихъ и вмѣсто нихъ пополнить отдѣлъ молитвъ нѣкоторыми церковными пѣснями, псалмами и под., чтобы дать дѣтямъ образцы болѣе разнообразнаго текста и подготавливать ихъ къ чтенію богослужебныхъ книгъ. Но г. Ильминскій такъ ставитъ каждое дѣло, что невольно уступаетъ ему поле дѣйствія. «Мѣста эти (изъ ветхаго завета) — говоритъ онъ избраны не ради знанія св. исторіи,

а ради нѣкотораго знакомства съ простою, честною, искреннею и боголюбезною жизнью патріарховъ, ради такъ сказать — благоуханія этою чистотою нравовъ, прямою чувствъ, взаимнымъ довѣріемъ, преданностью волѣ Божіей, которыя должны лечь въ основу религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей народа... Нужно стремиться, чтобы дѣти почувствовали душу и характеръ изображаемыхъ лицъ и событій... Особенно же къ этому должно стремиться при чтеніи мѣстъ изъ евангелія, такъ чтобы дѣти прониклись самымъ живымъ чувствомъ, къ какому способна дѣтская душа, умиленія и любви къ Спасителю...» (Книжка для учителей, стр. 78 и 79). Если эти слова залягутъ, въ душѣ учителя и возбудятъ въ немъ соотвѣтственное стараніе, то, безъ сомнѣнія, успѣхъ обученія ц.-сл. языку будетъ выше и цѣннѣе всякихъ формальностей, и всякое разнообразіе языка этимъ способомъ облегчено будетъ для дѣтей болѣе, чѣмъ другими способами.

Учителямъ вообще слѣдуетъ обратить вниманіе на это обстоятельство при всякомъ учебникѣ, при каждой статьѣ, въ цѣломъ курсѣ обученія ц.-сл. языку. Всѣять въ дѣтскую душу сѣмя любви къ святымъ словамъ — вотъ то *едино на потребу*, что должно сдѣлать первоначальное обученіе ц.-слав. языку. При заботливости и искренности собственнаго расположенія, учитель даже съ плохимъ учебникомъ или съ однимъ молитвенникомъ въ рукахъ можетъ исполнить эту задачу, или проложить ей дорогу въ дѣтской душѣ. Напротивъ, съ холоднымъ сердцемъ и съ формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу, при наи-

лучшихъ учебникахъ и собственныхъ знаніяхъ, получится успѣхъ слишкомъ односторонній и даже фальшивый.

Книга для учителей заключаетъ въ себѣ слѣдующее: 1) вступленіе, въ которомъ излагается происхожденіе славянской грамоты и особенность чтенія ея сравнительно съ русской; 2) древле-славянскія формы склоненія и спряженія и важнѣйшія особенности управленія словъ; 3) правила правописанія, склоненій и спряженій церковно-славянскихъ и другихъ частей рѣчи; 4) слова по своему составу и корню тождественныя съ русскими, но въ древле-славянскомъ имѣющія иное значеніе; 5) заключительное примѣчаніе.

Изъ этого перечня статей видно, что г. Ильминскій требуетъ отъ учителя отчетливаго и яснаго знанія необходимѣйшихъ (элементарныхъ) свойствъ церковно-славянскаго языка. «Изложенныя замѣтки, говоритъ онъ (стр. 77), не представляютъ цѣльнаго ученія о церковно-славянскомъ языкѣ; но учителей начальныхъ народныхъ училищъ — если между ними найдутся нѣкоторые недостаточно свѣдующіе въ немъ, — замѣтки эти, своими сопоставленіями и намеками, могутъ расположить къ самостоятельному вниманію въ церковно-славянскій языкъ и къ основательному знанію его, а основательное знаніе поведетъ къ болѣе правильному пониманію и даже болѣе живому и наглядному, картинному, представленію изложенныхъ въ этомъ языкѣ событій, мыслей и чувствъ. Въ этомъ отношеніи составъ словъ, частицы, приставленныя къ нимъ, и формы имѣютъ большое значеніе, именно для

опредѣленности и наглядности представленія. (приводятся примѣры). Всѣ объясненія г. Ильминскаго изложены просто и наглядно. Возможная точность смысла и духа ц.-слав. рѣчи, стараніе отвѣтить тотъ и другой даже въ самыхъ повидимому мелкихъ особенностяхъ этой грамоты—вотъ отличительная черта труда. Нить, проведенная имъ отъ древле-славянскаго языка чрезъ церковно славянскій въ русскому, не должна пугать и наименѣе подготовленныхъ учителей. Изложеніе дѣла такъ просто, что—лишь бы была охота—усвоить его будетъ легко. Имѣя эту нить и къ основанію слова и къ явленіямъ его въ русскомъ языкѣ, учитель не будетъ испытывать затрудненій въ переводѣ ц.-слав. словъ и выраженій на русскій языкъ и въ необходимѣйшихъ объясненіяхъ ихъ. Правила г. Ильминскаго ограничиваются самымъ необходимымъ и желательнымъ для учителя. Отъ нихъ выиграетъ преподаваніе не одного церковно-славянскаго языка, но и русскаго, и грамотность будетъ усвояться дѣтьми прочнѣе, и разумнѣе, чѣмъ при преподаваніи ея безъ помощи церковно-славянской, или при механическомъ отношеніи къ послѣдней.

Изъ частныхъ замѣчаній г. Ильминскаго отмѣтимъ слѣдующія.

Азбуку требуетъ онъ заучить сразу подрядъ и въ подлинныхъ названіяхъ буквъ (азъ, буки...), данныхъ имъ св. Кирилломъ и имѣющихъ опредѣленный смыслъ (азъ я, буки—буквы, книга, грамота, *вѣди*, точнѣе *вѣдѣ*—вѣдаю, знаю, глаголь—говори и т. д.).

Употребленіе разныхъ начертаній нѣкоторыхъ буквъ

авторъ излагаетъ точно, ясно, наглядно. Въ соединеніи съ статьей о надстрочныхъ знакахъ этотъ предметъ не будетъ болѣе возбуждать недоумѣній со стороны учителей.

О титлахъ авторъ говоритъ слѣдующее: «Въ евангеліи отъ Іоанна, гл. 19, сказано: *Написа же и титла Пилатъ, и положи на крестъ. Въ же написано: Исусъ Назарянинъ Царь Іудейскій.* Примѣняя эти слова евангелія къ своимъ орфографическимъ титламъ, наши древніе уставщики церковнаго писанія приняли отличать титлой слова, относящіяся къ предметамъ священнымъ, и тѣ же слова ставить безъ титлъ, когда они относятся къ предметамъ языческимъ и непочтеннымъ». Эта мысль совершенно вѣрна и должна лечь въ основу понятія о титлахъ. Но нельзя не видѣть, въ исторіи церковно-славянскаго письма, что къ этой мысли скоро стала примыкать и нужда скорописи, и подъ титлами явилось не мало словъ, не имѣющихъ значенія священнаго. Напр. *мыль, присно, солнце, мѣсяцъ, глагола* и т. д. Нужно только имѣть въ виду, что этотъ послѣдній разрядъ словъ ставится подъ титлами, и безъ титлъ безразлично, тогда какъ первый всегда подъ титлами, слова же непочтенныя и относящіяся къ предметамъ языческимъ и къ свойствамъ грѣховнымъ, никогда не писались подъ титлами.

Заботясь о точности и живости представленій, заключающихся въ особенностяхъ церковно-славянскихъ формъ, г. Ильминскій совѣтуетъ «направлять эти свойства, при обученіи дѣтей, не въ интересахъ знанія или художествен-

ности, а въ цѣляхъ собственно нравственныхъ и религиозныхъ. Подобное стремленіе народнаго учителя, говорить онъ, будетъ школьнымъ примѣненіемъ заповѣди Спасителя: *Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ*. — Для лучшаго внушенія дѣтямъ духа и характера свящ. текста, онъ рекомендуетъ между прочимъ практическое средство: «учитель впередъ самъ прочтетъ, а дѣти прислушаются, и они учуютъ живую нотку и, всякъ по своему дарованію, воспроизведутъ ее».

Нужно пожелать чтобы каждый учитель имѣлъ подъ рукою эту книгу г. Ильминскаго.

II.

Сборники, словари и другія пособія въ обученію церковно-славянскому языку въ начальныхъ училищахъ.

Что давать дѣтямъ для церковно-славянскаго чтенія послѣ букваря? Какъ вести эти занятія и къ чему направлять ихъ?

Эти вопросы оказались гораздо болѣе трудными, чѣмъ постановка букваря. Къ разрѣшенію ихъ едва приступлено и на практикѣ еще мало что сдѣлано для этого. Тѣмъ не менѣе довольно опредѣленно выразились направленія, въ которыхъ происходитъ работа по этимъ вопросамъ.

Программа церковно-приходскихъ школъ отвѣчаетъ на эти вопросы такимъ образомъ: 1) Послѣ букваря перехо-

дять къ чтенію наиболѣе употребительныхъ въ церковномъ богослуженіи книгъ (часословъ, псалтирь, октоихъ евангеліе); 2) при чтеніи этихъ книгъ, объяснять употребленіе ихъ въ церкви, непонятныя въ нихъ слова, выраженія, содержаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ привлекать дѣтей къ чтенію и пѣнію на клиросѣ, прислуживанію въ олтарѣ. Конечною цѣлію обученія церковно-славянскому языку должно быть живое участіе въ церковномъ богослуженіи, какъ наилучшемъ для каждаго христіанина и для всѣхъ доступномъ источникѣмъ религіозно-нравственнаго совершенствованія. Всѣ приемы обученія должны быть направляемы къ усвоенію читаемаго преимущественно сердцемъ и къ воспитанію въ дѣтской душѣ расположеній и навыковъ къ церковному чтенію и богослуженію.

Многіе не согласны съ такой постановкой обученія церковно-славянскому языку. На практикѣ однако немногіе успѣли еще показать иной путь и способы этого обученія. Сюда относятся «книги» или «сборники» для церковно-славянскаго чтенія. Почти всѣ они смутно представляютъ путь, по которому идутъ, и не даютъ надлежащихъ разъясненій о немъ. Исключеніе составляетъ только «Книга для церковно-славянскаго чтенія» г. Тихомирова. Въ послѣднемъ своемъ изданіи эта книга раздѣлена на два отдѣльные тома, изъ коихъ первый составляетъ «Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ» (Изд. 3-е, цѣна 30 коп.), второй — «Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ» (Изд. 2-е, цѣна 1 руб.).

«Книга» г. Тихомирова — трудъ серьезный, стоящій вни-

манія какъ поборниковъ, такъ и противниковъ защищаемой имъ системы. Часть, назначенная для учениковъ, заключаетъ въ себѣ: повседневныя молитвы и много молитвъ, чаще другихъ употребляемыхъ въ церковномъ богослуженіи или особенно важныхъ и близкихъ каждому христіанину по своему содержанию и духу, тропари, кондаки, стихиры, ирмосы на важнѣйшіе церковные праздники, псалмы, читаемые на часахъ, шестопсалмій, литургіи, вечерни, утрени, рассказы изъ евангелія, представляющіе всѣ главныя событія изъ жизни Спасителя, притчи, наставленія и под. Весь этотъ *матеріалъ* расположенъ въ книгѣ по степени трудности языка. По плану автора, *матеріалъ* долженъ быть удвоенъ, такъ чтобы въ книгѣ собраны были отрывки изъ всего священнаго Писанія и изъ всѣхъ богослужебныхъ книгъ. Но и въ настоящемъ составѣ его вышелъ цѣлый томъ, который, по сознанию автора, наполнить трехгодичный курсъ школы. Въ руководствѣ для учителей авторъ шагъ за шагомъ, отъ начала до конца, даетъ всѣ объясненія и наставленія учителю, что и какъ дѣлать при чтеніи съ учениками положенной статьи. Въ первой книгѣ каждая статья снабжена объясненіемъ словъ и выраженій и переводомъ на русскій языкъ. Во второй — подробнымъ толкованіемъ текста, планомъ и подробнымъ объяснительнымъ изложеніемъ содержанія. Въ особенности обширны и хорошо составлены такія статьи къ евангельскимъ рассказамъ, для которыхъ авторъ изучилъ лучшихъ церковниковъ толковниковъ свящ. текста. Статьи его о послѣднихъ дняхъ земной жизни Спасителя составлены по извѣстному сочиненію покойнаго архіепископа Иннокентія и даютъ чтеніе не

только объяснительное, но и умилительное. Къ пѣкоторымъ статьямъ приложены историческія объясненія и описанія, напр. *Храмъ Іерусалимскій, Иродъ, Пасха у евреевъ* и др.

Авторъ — рѣшительный противникъ обученія дѣтей по церковнымъ книгамъ. «Эти книги, — говоритъ онъ, — святыя, которой приличествуетъ особое, полное высокаго уваженія, отношеніе, къ чему и нужно приучать съ самаго ранняго возраста, и чего трудно достигнуть, сдѣлавъ эти книги необходимыми учебными пособиями» (Руков. для учит. стр. IV). Единственно цѣлесообразнымъ для школы онъ считаетъ сборникъ отрывковъ изъ этихъ книгъ, расположенныхъ не въ порядкѣ богослуженій, но по степени трудности языка. Онъ предполагаетъ участіе учениковъ въ чтеніи и пѣніи церковномъ, но только какъ долгъ всякаго христіанина, а не какъ способъ обученія школьнаго. Онъ вѣрно и живо понимаетъ задачу обученія ц.-сл. языку. Это, по словамъ его, «возможно полное пониманіе читаемаго и даже не одно простое пониманіе, а проникновеніе этимъ содержаніемъ, его духомъ, его сущностью, душевное къ нему влеченіе и расположеніе, воспріятіе чрезъ чтеніе, глубокихъ и теплыхъ впечатлѣній, такихъ впечатлѣній, кои бы остались на всю жизнь, воспитаніе любви къ этому великому тексту, желаніе вновь съ охотою обращаться къ нему, какъ къ руководству жизненному, какъ къ выраженію высшей мудрости». Онъ увѣренъ, что изложенные въ его книгахъ (для учениковъ и для учителей) способы и приемы обученія вполне исполняютъ эту задачу обученія. Все дѣло здѣсь, по его мнѣнію, въ объясненіяхъ учителя

и въ пониманіи текста дѣтьми. «Довести ученика, говорить онъ, до умѣнья понимать языкъ церковно славянскихъ книгъ, языкъ евангелія, языкъ богослужебныхъ книгъ, вотъ конечная цѣль обученія въ народной школѣ церковно-славянскому чтенію» (тамъ же стр. 6). Такое пониманіе дается дѣтямъ, по словамъ его, «чрезъ усвоеніе отдѣльныхъ словъ и выраженій, чрезъ усвоеніе отдѣльныхъ мыслей и ихъ взаимныхъ отношеній... путемъ толкованія и заучиванія непонятныхъ словъ и выраженій и путемъ сближенія ихъ съ формами роднаго языка». Онъ надѣется, что этимъ путемъ ученики приведены будутъ «къ пониманію св. Писанія и церковнаго богослуженія» и даже къ «полному пониманію», къ «полному уразумѣнію смысла читаемаго» (тамъ же стр. 7 и 8), а затѣмъ къ воспріятію духа его и проч.

Въ основѣ всей этой постановки обученія церковно-славянскому языку въ начальной школѣ лежитъ одно изъ важныхъ недоразумѣній, переживаемыхъ нынѣ этою школою въ нашемъ отечествѣ. Скажемъ прямо, не обинуясь (да не посѣтуеть за это на насъ г. Тихомировъ!). «Такъ дѣлается въ западно европейской школѣ, такъ должно быть и у насъ» — вотъ истинная причина этого недоразумѣнія. Наша новѣйшая школьная система — подражательная, копія съ западно-европейскаго образца. Тамъ школа не употребляетъ богослужебныхъ книгъ, но даетъ дѣтямъ сборники молитвъ, духовныхъ кантовъ, благочестивыхъ размышленій, наставленій и под. Въ католической церкви богослужебный языкъ совершенно чуждъ народу, немислимо изученіе его

въ начальной школѣ. По свойству своихъ догматовъ, эта церковь въ прежніи времена даже воспрещала мірянамъ чтеніе свящ. Писанія и въ настоящее время вовсе не поощряетъ чтеніе его, а за богослуженіемъ въ церкви предоставляетъ молящимся руководствоваться тѣми же сборниками, въ которыхъ имѣются соотвѣтственныя богослуженію молитвы, но не тѣ самыя, которыя читаются и поются въ церкви. Въ лютеранствѣ, по свойству основнаго отличительнаго догмата его объ оправданіи челоуѣка вѣроу, богослуженіе церковное вовсе не имѣетъ того значенія, какое даетъ ему Православная Церковь, оно сужено до крайности, до нѣсколькихъ дѣйствій, уступило мѣсто наученію въ вѣрѣ, разъясненію истинъ ея, личная молитва поставлена въ рядъ съ религіозными размышленіями, богомысліемъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что языкъ лютеранской церкви и личной молитвы чадъ ея — тотъ же народный, живой языкъ. Вотъ почему для западной дидактики и методики вовсе не существуетъ вопроса объ изученіи языка церковнаго богослуженія и употребленіи въ школѣ богослужебныхъ книгъ, а рѣчь идетъ только объ обученіи (молитвамъ и пѣснямъ) по сборникамъ и книгамъ для религіознаго чтенія.

У насъ иное положеніе и значеніе богослуженія и его языка. У насъ, соотвѣтственно вѣрѣ, оправдываемой доброу жизнію, богослуженіе есть освященіе и подробное руководство челоуѣка въ жизни соотвѣтственно вѣрѣ. Оно есть наиболѣе полное и живое выраженіе вѣры, сама жизнь вѣры. Оно есть сила, соединяющая насъ между собою и со Христомъ и въ этомъ единеніи укрѣпляющая наши духов-

ныя силы. Наша домашняя, личная молитва не есть отдѣльное ничто отъ церковнаго богослуженія, а частица, отрывокъ изъ него, имѣющая свой смыслъ и значеніе только въ своемъ цѣломъ. Это наглядно сказывается на языкѣ. Мы потому не имѣемъ отдѣльнаго языка для домашней молитвы и молимся по славянски, что наши молитвы взяты изъ круга церковно-богослужебныхъ, а не составлены особо отъ него*). Эти молитвы, какъ отрывки и частицы цѣлаго, имѣютъ свой надлежащій смыслъ, духъ и значеніе только въ тѣхъ церковныхъ богослуженіяхъ, изъ которыхъ онѣ взяты: молитвы утреннія и вечернія—изъ полунощницы и утрени, повечерій и вечерни, прочія—изъ дневныхъ богослуженій, изъ обрядовъ на разные случаи въ жизни христіанской, частной и общественной. Г. Тихомировъ, напр., помѣстилъ въ своемъ сборникѣ псалмы, читаемые на часахъ. Каждый изъ этихъ псалмовъ имѣетъ свою отдѣльную мысль, которая ничего не говоритъ, сама по себѣ, о главной мысли, соединяющей каждую группу ихъ въ цѣлое и дающей имъ особый духъ и характеръ. Узнать эту мысль, почувствовать истинный ихъ духъ можно только при чтеніи ихъ въ цѣломъ обрядѣ (Часы: 1-й, 3, 6 и 9-й). То

*) Даже тѣ молитвы, которыя нынѣ не встрѣчаются въ богослужебныхъ книгахъ и печатаются только въ молитвенникахъ, существовали въ старыхъ спискахъ богослужебныхъ обрядовъ, славянскихъ и греческихъ. Исключеніе составляютъ молитвы предъ началомъ ученія и послѣ ученія, читаемыя нынѣ въ народныхъ училищахъ и въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ: *Преблагій Господи и Благодаримъ Тебе, Создателю*. Онѣ составлены въ 1783 году, при учрежденіи въ Россіи «народныхъ училищъ», нарочно для этихъ училищъ, тогдашнимъ директоромъ этихъ училищъ, и не приняты въ церковное употребленіе.

же и съ молитвами. Во сколько разъ, напр., вечернія молитвы становятся понятнѣе и ближе къ сердцу, когда онѣ пройдены въ совокупности цѣлыхъ обрядовъ вечерни и поочерій, при дѣятельномъ участіи въ этихъ богослуженіяхъ! То же и со всѣми остальными молитвами. Что касается псалмовъ, то въ церковномъ отношеніи книга *псалтирь* не есть простой сборникъ псалмовъ, а цѣлый обрядъ, въ которомъ ветхозавѣтныя вѣрованія и чаянія, лучшія душевныя расположенія и стремленія освѣщены новозавѣтными (молитвы, пѣсни, стихи, толкованія и проч.) и только въ этомъ соединеніи и освѣщеніи даютъ ту полную картину смысла, духа и характера, какая влечетъ христіанское чувство въ псалмамъ.

Вотъ причина, по которой у насъ за букваремъ должны слѣдовать церковныя книги. Букварь церковно-славянскій всегда состоялъ и будетъ состоять изъ отрывковъ церковнаго богослуженія, т. е. изъ молитвъ, пѣсней и т. п., данныхъ Церковію для домашняго употребленія. Съ этихъ отрывковъ начинается обученіе въ несомнѣнномъ предположеніи, что они знакомы дѣтямъ изъ домашняго употребленія, а потому легче даются обученію по книгѣ. Всякій искусственно составленный для букваря текстъ славянскій былъ бы аномаліей, потому что цѣль изученія этого языка не филологическая, а церковно-богослужебная. Если школа искренно и нелицемѣрно обучила дѣтей церковно-славянскому букварю, то, логически поступая, она должна ознакомить дѣтей съ источникомъ его статей, съ церковными книгами, въ которыхъ эти самыя статьи — предметъ еже-

дневной душевной потребности — станутъ для ученика понятнѣе и полнѣе не только въ общей мысли и духѣ, но въ самыхъ выраженіяхъ и словахъ. Всякая «книга для церковно-славянскаго чтенія», или «сборникъ», пытающіеся замѣнить собою подлинныя церковныя книги, останутся только болѣе или менѣе раздутымъ букваремъ и оставятъ дѣтей на полудорогѣ къ надлежащему церковному чтенію, если не совсѣмъ собьютъ ихъ съ этой дороги, надѣляя ихъ крупинками содержанія и духа, не поставленнаго въ живую связь съ общимъ содержаніемъ и духомъ богослуженія, а также одностороннимъ и холоднымъ пониманіемъ словъ и выраженій.

«Евангеліе и богослужебныя книги потеряютъ подобающее имъ уваженіе въ глазахъ дѣтей, если будутъ употребляемы въ качествѣ учебнаго пособія». Очевидно, все дѣло въ томъ, чтобы школа научила дѣтей относиться къ этимъ книгамъ съ уваженіемъ. Если учитель надлежаще обучить дѣтей чтенію молитвъ, то ему легко будетъ обучить ихъ подобающему уваженію къ книгамъ молитвеннымъ и богослужебнымъ.

«Участіе въ чтеніи и пѣніи въ церкви есть долгъ христіанина и не должно быть приемомъ школьнаго обученія». Правильное и благоговѣйное чтеніе молитвъ — еще большій долгъ каждаго христіанина. Школа, обучая церковно-славянскому чтенію не въ филологическихъ, но въ богослужебныхъ цѣляхъ, должна научить дѣтей не языку только молитвъ, но и соотвѣтственному употребленію ихъ, т. е. чтенію разумному, благоговѣйному, возбудить распо-

ложеніе къ ней, навыкъ, долгъ читать ее дома въ положенное время. То же и въ отношеніи къ службамъ, заключающимся въ церковныхъ книгахъ: дѣтей необходимо обучить чтенію и пѣнію на клиросѣ не только посредствомъ соотвѣтственныхъ объясненій и упражненій въ школь, но и посредствомъ церковной практики, которая одна можетъ вѣрно поставить, развить, оживить и укрѣпить въ дѣтской душѣ этотъ долгъ, возбудить расположеніе къ нему и къ цѣлому богослуженію, желаніе дѣятельно участвовать въ немъ.

Г. Тихомировъ, вѣрно понимая задачу обученія церковно-славянскому чтенію, рассчитываетъ въ исполненіи ея исключительно на объясненія и пониманіе. Наше новѣйшее начальное обученіе справедливо упрекаютъ въ господствѣ интеллектуализма. Умственная сила менѣе другихъ силъ возбуждена и развита въ школьномъ возрастѣ дѣтей: она должна быть задачею, а не опорой обученія первоначальнаго; ее нужно еще вызвать къ дѣятельности и воспитать, а не сразу ставить проводникомъ вліянія; опорой для ней самой должны служить при этомъ другія душевныя силы, въ особенности воля, на которую по преимуществу нужно вліять разумными способами, чтобы вѣрно идти къ цѣли. Этому упреку подлежить въ особенности обученіе предметамъ религіознаго характера, когда оно опорой для себя избираетъ пониманіе, а не живое вліяніе, усвоеніе сердцемъ, упражненіе, навыкъ, что одно можетъ служить опорой для правильнаго роста и самаго пониманія. Какъ бы мы ни преувеличивали силу дѣтскаго пониманія, но рекоменду-

мые г. Тихомировымъ способы: «толкованіе и заучиваніе непонятныхъ словъ и выраженій и сближеніе ихъ съ формами роднаго языка», «усвоеніе отдѣльныхъ мыслей и ихъ взаимныхъ отношеній», сами по себѣ, не пойдутъ дальше вѣдѣнныхъ, формальныхъ свойствъ ц.-сл. языка, отъ которыхъ вообще еще далеко до пониманія содержанія ц.-сл. текста. Въ отношеніи русскаго языка эти способы дополняются въ школѣ свѣдѣніями изъ грамматики, письменными упражненіями ит. п., что все авторъ справедливо устранилъ изъ курса ц.-сл. чтенія, какъ неудобное и излишнее для дѣтей. Если въ русскомъ языкѣ, при его единствѣ съ живымъ языкомъ дѣтей и при значительно болѣе широкихъ объясненіяхъ и способахъ пониманія, школа доводитъ учениковъ только до пониманія статей, написанныхъ просто близко къ ихъ состоянію и къ предметамъ окружающаго ихъ быта, то какую степень пониманія принесутъ эти урѣзанные приемы въ отношеніи ц.-сл. языка, столь отличнаго отъ живого языка и служащаго выраженіемъ «высшей мудрости», «жизненнаго руководства»? Между тѣмъ авторъ увѣренъ, что предложенные имъ приемы и способы могутъ привести дѣтей даже къ «полному пониманію», «полному уразумѣнію» церковно-славянскаго текста, и въ результатъ этого пониманія ожидаетъ «проникновенія его духомъ, его сущностью, душевнаго влеченія къ нему» и т. п. Мечта эта осталась бы невинною, если бы она не стремилась замкнуть въ себѣ кругъ обученія ц.-сл. чтенію и преградить другіе пути къ нему. И учителя и ученики будутъ введены ею въ заблужденіе, будто, умѣя перевести молитву на русскій языкъ и рассказать содержаніе ея, они

уже владѣють полнымъ пониманіемъ ея и напрасно будутъ ожидать показанныхъ результатовъ этого пониманія.

Церковно-приходская школа пользуется всѣми указанными способами объясненій; но она смотритъ на нихъ, какъ на способъ устраненія вышнихъ препятствій къ усвоенію содержанія ц.-сл. текста, самое же усвоеніе его, «проникновеніе его духомъ», «душевное влеченіе къ нему» она старается вести преимущественно путемъ сердца, живого примѣра, упражненій и навыба, помощію которыхъ укрѣпляется и разумѣніе этого священнаго содержанія. На этомъ пути она не боится вести дѣтей отъ отрывковъ къ полнымъ богослуженіямъ, отъ букваря къ часослову, псалтири и под., не останавливаясь предъ тѣмъ, что многое здѣсь не понятно для дѣтскаго ума и вполне основательно надѣясь, что вложенное въ дѣтскую душу расположеніе и навыкъ къ церковному богослуженію постепенно будутъ содѣйствовать проясненію самаго пониманія, во всякомъ случаѣ не останутся безплодными, ибо, выражаясь словами стариннаго предисловія къ учебному часослову, «учащеніемъ дѣла обычай воспріятый и многимъ временемъ правъ утверждаеся естества имать силу».

Мы распространились объ этомъ предметѣ потому, что онъ составляетъ существенный пунктъ несогласій между церковно-приходскою школою и системою, устоявшеюся въ нашей новѣйшей начальной школѣ. «Книга для чтенія» г. Тихомирова, въ послѣднемъ изданіи ея, въ обѣихъ частяхъ, служитъ наиболѣе полнымъ выраженіемъ этой системы. Помимо этого основного недостатка, принадлежащаго однако

не ей, а системѣ, которой она служить, эта книга будетъ полезна и въ церковно-приходскихъ школахъ «Руководство для учениковъ», излишнее какъ руководство школьное, можетъ быть съ пользою употребляемо учениками для чтенія дома, какъ собраніе болѣе умилительныхъ и поучительныхъ молитвъ, пѣсней и под. изъ главныхъ богослуженій и евангельскихъ разсказовъ, съ поясненіями словъ и выраженій. Оно ни въ какомъ отношеніи не замѣнитъ собою для дѣтей, не только въ школѣ, но и дома, часослова, псалтири и евангелія, но можетъ, при недостаткѣ дома тріодеи, минеи и др., служить дополненіемъ къ часослову. Болѣе полезна можетъ быть часть для учителей, заключающая въ себѣ, при каждой почти статьѣ, толкованіе текста, содержаніе и планъ ея и при многихъ статьяхъ объяснительныя бесѣды, составленныя по лучшимъ церковнымъ писателямъ и проповѣдникамъ*). Но при пользованіи этою книгою учитель долженъ помнить слѣдующее: 1) переводъ словъ и выраженій на русскій языкъ, объясненія и толкованія устраняютъ только внѣшнія, формальныя, препятствія къ усвоенію содержанія священнаго текста, самое же пониманіе его, разумѣніе, усвоеніе производятся преимущественно сердцемъ, требуютъ соотвѣтственнаго живого вліянія посредствомъ духа обученія, примѣра самого учителя, упражненій и навыковъ; поэтому, обращаясь къ нимъ при всякомъ недоумѣніи со стороны ученика, какъ при чтеніи бубваря, такъ и при чтеніи часослова, псалтири и

*) Обѣ книги г. Тихомирова одобрены Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ для бібліотекъ церковно-приходскихъ школъ.

проч., не полагаться на нихъ въ главномъ и существенномъ, но искать его для дѣтей способами, указанными нами выше. 2) Не переступать границъ объясненій, какъ то часто дѣлаеть г. Тихомировъ, рассчитывающій исключительно на силу ихъ и тѣмъ часто отвлекающій учениковъ отъ занятій языкомъ: онъ часто то вдаётся въ мелочи, занимаясь переводами и объясненіями въ родѣ: *око* — глаза, *очи* — глаза, *научитесь* — научитесь, *Господь* — господинъ и т. д., то влагаетъ въ уста учителя длинныя объясненія разсказа или мыслей статьи, чему мѣсто на урокахъ Закона Божія.

~~~~~

Нужда въ переводѣ и объясненіяхъ церковно-славянскихъ словъ и выраженій начинаетъ вызывать особаго рода изданія для учениковъ начальныхъ училищъ — словари. Составить толковый ц.-сл. словарь для этихъ учениковъ дѣло трудное. Главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что ученики не знаютъ склоненій и спряженій славянскихъ и не могутъ находить основныхъ или прямыхъ формъ словъ, подъ которыми эти послѣднія стоятъ въ словарѣ, не смогутъ и по прямой формѣ догадаться о значеніи всякой встрѣченной. Пользованіе общимъ словаремъ возможно для нихъ только тогда, когда они практически будутъ владѣть достаточнымъ запасомъ формъ слова и оборотовъ рѣчи а это возможно развѣ къ концу школьнаго курса. Вообще, обыкновенный словарь полезенъ только для взрослыхъ, окончившихъ курсъ школы, и для учителей. Для учениковъ долгое время возможенъ и неза-

мѣнимъ только живой словарь—толмачъ, самъ учитель. Для памяти въ букварѣ полезны, въ концѣ каждой статьи, или подстрочные переводы и объясненія словъ и выраженій, но не въ прямыхъ формахъ, а въ данныхъ статьяхъ. Подобнымъ же образомъ полезно вести и чтеніе часослова. Переводъ и объясненіе словъ и выраженій можно здѣсь поставить или подъ чертою, или въ концѣ книги, но также по порядку статей и не въ прямыхъ формахъ, словъ, а въ данныхъ текстомъ. Нужда въ объясненіяхъ и переводахъ все болѣе и болѣе будетъ уменьшаться, многія здѣсь статьи уже не потребуютъ ни одной выноски. Въ псалтири такіе переводы и объясненія должны быть сдѣланы въ концѣ книги, по ряду псалмовъ, а въ евангеліи—по ряду евангелистовъ и главъ. Такія изданія будутъ всего практичнѣе для дѣла, никакой словарь не можетъ замѣнить ихъ и при нихъ будетъ излишенъ для дѣтей. Такія изданія—дѣло, полагаемъ, недалекаго будущаго. Задержка ихъ происходитъ, по всей вѣроятности, отъ дороговизны печатанія.

При этомъ не можемъ не возвратиться снова къ излишнему усердію издателей въ переводахъ словъ церковно-славянскаго языка. Кромѣ словъ иностранныхъ (греческихъ, еврейскихъ) вышедшихъ изъ употребленія въ живомъ языкѣ словъ старо-славянскихъ, словъ одинаковыхъ по произношенію съ русскими, но имѣющихъ отличное отъ нихъ значеніе, а также получившихъ въ русскомъ языкѣ формы, рѣзко отличающіяся отъ славянскихъ, и словъ составленныхъ по образцу греческихъ составныхъ,

какая нужда въ переводѣ остальныхъ словъ? Не нужно забывать, что церковно-славянскій языкъ долженъ быть преподаваемъ въ начальномъ училищѣ не въ образовательныхъ цѣляхъ, но въ воспитательныхъ. Ни при какихъ усиліяхъ не достигла бы въ школахъ постановка этого языка въ видахъ образовательныхъ. Напротивъ, воспитательный характеръ преподаванія его благотворно отразится и на образованіи дѣтей. Требуется достигнуть, чтобы ц.-сл. языкъ былъ для дѣтей не мертвымъ объектомъ, представляющимъ полезныя сравненія съ русскимъ языкомъ, но живую связь съ церковнымъ богослуженіемъ, духомъ и жизнію Церкви, какъ великой семьи Божіей. Въ этой семьѣ этотъ языкъ есть живой, ея собственный, домашній языкъ. Не боимся мы приставлять къ дѣтямъ гувернеровъ и гувернантокъ для обученія иностраннымъ живымъ языкамъ — безъ словарей, безъ книжекъ, безъ постоянныхъ переводовъ и сличеній съ русскимъ языкомъ. Путемъ живого вліянія, практически, дѣти быстро усваиваютъ иностранные слова и выраженія, даже идиотизмы языка, и понимаютъ ихъ, хотя часто не могутъ точно передать ихъ по-русски. Почему же мы боимся того же въ отношеніи къ церковно-славянскому языку въ школахъ, при помощи книгъ, притомъ въ отношеніи къ словамъ, которыхъ корни одинаковы съ русскими, а формы близки къ нимъ? Постоянные переводы только напрасно замедляютъ обученіе и охлаждаютъ къ духу и характеру языка.

Пока появился только одинъ словарь ц.-слав. языка для начальныхъ училищъ: *Словарь малопонятныхъ словъ*

и оборотовъ, встрѣчающихся въ евангеліи, дополненный словарь къ псалмамъ, молитвамъ и пѣснословіямъ.
Сост. А. Державинъ. Выпускъ I и II. СПБ. 1886—1887
гг. Цѣна 20 + 30 коп.

Авторъ даетъ ц.-сл. языку въ начальныхъ училищахъ «образовательно—воспитательное значеніе», увѣренъ, что дѣти сами могутъ пользоваться словаремъ, дома и въ классѣ, при подготовкѣ и повтореніи уроковъ, словомъ, что дѣти легко и скоро научатся по данной формѣ слова узнавать основную его форму и изъ ряда значеній выбирать наиболѣе подходящее для текста. Но въ то же время онъ сознаетъ недостаточность обыкновеннаго словаря для дѣтей и необходимость объясненій словъ и выраженій, притомъ отдѣльно по книгамъ и по порядку текста. Онъ старается удовлетворить и этой нуждѣ, отдѣльно отъ словаря. Такимъ образомъ въ словарь его оказалось семь особыхъ отдѣловъ: въ первомъ выпускѣ: 1) алфавитный словарь къ евангелію; 2) болѣе употребительныя въ евангеліи слова въ порядкѣ главъ и стиховъ евангелія; 3) алфавитный словарь къ псалмамъ и часослову; 4) переводъ трудныхъ мѣстъ, встрѣчающихся въ псалмахъ и пѣснопѣніяхъ, помѣщенныхъ въ часословѣ; 5) нѣкоторые изъ болѣе употребительныхъ оборотовъ четвероевангелія. Во второмъ выпускѣ: а) переводъ трудныхъ мѣстъ евангелія и псалмовъ съ краткимъ объясненіемъ ихъ и б) словарь къ болѣе употребительнымъ молитвамъ и пѣснопѣніямъ, не вошедшимъ въ часословѣ.

Очевидно, что авторъ не выяснилъ для себя основа-

ній словаря для начальныхъ училищъ, и какъ самъ затрудняется въ размѣщеніи матеріала по отдѣламъ, такъ и дѣтей слишкомъ затрудняетъ постояннымъ недоумѣніемъ, въ которомъ отдѣлѣ искать разгадку даннаго слова или выраженія. Самъ онъ то часто повторяется въ разныхъ отдѣлахъ, то находится вынужденнымъ въ словарь толковать выраженія, а въ отдѣлахъ выраженій—слова, то искусственно подбирать матеріалъ для особыхъ отдѣловъ: *болѣе употребительныя и болѣе трудныя* слова и выраженія и т. д. Если принять во вниманіе, что, по плану его, дѣти сами прискиваютъ въ словарь слова и выраженія дома и въ классѣ, во время подготовленія и повторенія уроковъ, то занятія церковно-славянскимъ языкомъ станутъ для дѣтей тяжелымъ бременемъ, замедлятъ успѣхи въ немъ и постоянно будутъ сосредоточивать вниманіе учениковъ на внѣшней, формальной сторонѣ языка, въ ущербъ главному, *единому на потребу*, для успѣховъ котораго незамѣнимы живыя объясненія учителя, упражненія въ чтеніи, участіе въ богослуженіи.

Но авторъ не выяснилъ для себя основаній самаго существеннаго въ дѣлѣ—перевода словъ и выраженій церковно-славянскихъ на языкъ русскій. И во 1-хъ, что считать непонятнымъ, требующимъ перевода на русскій языкъ и помѣщенія въ словарь? Раскройте любую страницу въ его словарь и на ней встрѣтите такіа слова и переводы: *беззаконіе*—безаконіе, *бѣднѣй*—бѣдный, *ведро*—ведро, *вертепъ*—вертепъ, *вечеря*—вечера, *вещь*—вещь, *видѣніе*—видѣніе, *власть*—власть, *внѣ*—внѣ и т. д. Эта тавтологія состав-

ляетъ добрую часть словаря. Но гораздо большую часть въ словарѣ составляютъ такіа слова, въ которыхъ имѣется лишь самое слабое отличіе по внѣшности отъ русскихъ формъ ихъ, и для которыхъ достаточно одно общее объясненіе, чтобы ученики поняли ихъ и не имѣли нужды постоянно справляться о нихъ. Таковы напр: *бесѣдовати* — бесѣдовать, *благословляти* — благословлять, *ввергати* — ввергать, *вечеряти* — вечерять, *витати* — витать, *вложити* — вложить, *возвеличити* — возвеличить, *возвѣстити* — возвѣстить, *вознесети* — вознести, *возопити* — возопить, *воскресити* — воскресить и т. д. Не говоримъ уже о такихъ формахъ, какъ *всякъ* — всякій, *лютъ* — лютый, *лукавъ* — лукавый, или: *гладъ* — голодъ, *градъ* — городъ, *злато* — золото, и под., или *внезапу* — внезапно, *како* — какъ, *поль* — половина, *покровъ* — бровь, *поморіе* — поморье и т. д. Не мало случаевъ, когда авторъ самъ дѣлаетъ совершенно понятное, буквально одинаковое и въ ц.-славянскомъ и въ русскомъ, слово непонятнымъ, требующимъ перевода, и для этого разнообразное употребленіе его въ томъ и другомъ языкѣ, напр. у него: славянское слово *тнѣ*, русскій переводъ его — *хвала*, слав. *князь* — русское *начальникъ*, *правитель*, *брѣмя* — *тяжесть*, *гибель* — *трата*, *лѣстецъ* — *обманщикъ*, *бисеръ* — *жемчужина*, *избытокъ* — *полнота* и т. д. Но это значитъ искусственно созидать перегородки между ц.-славянскимъ и русскимъ языкомъ, увеличивать въ мнѣніи дѣтей трудности перваго, всюду бояться ошибокъ, ломать попусту на каждомъ словѣ голову...

Во 2-хъ, основною для перевода словъ и выраженій

евангелія и псалтири онъ избралъ русскій текстъ, изданный Св. Синодомъ. Но при этомъ онъ не принялъ въ соображеніе, что русскій переводъ псалтири сдѣланъ не съ славянскаго ея текста (и не съ греческаго) и во многихъ мѣстахъ относится къ нему, какъ толкованіе, а часто измѣняетъ и самый смыслъ выражений. Авторъ въ такихъ случаяхъ выписываетъ выраженіе славянскаго текста, ставить при немъ параллельное выраженіе изъ русскаго текста и считаетъ свое дѣло конченнымъ. Для примѣра: «Порази еси вся враждующія ми *всуге*—Ты поражаешь въ *ланиту* *всѣхъ* враговъ моихъ»; «Господь рѣшить *окованныя*—(Господь) отверзаетъ *очи слѣпымъ*»; «*отъ камене честна изъ чистаго золота*»; «*держава и приближише*—*каменная гора и ограда*»; «исправи предъ *Тобою* путь мой—уровнай предо мною путь *Твой*»; «очи мои возложиша на землю—они устремили глаза *свои*, чтобы низложить меня на землю» и т. д. Это ли переводъ ц.-сл. текста? Это ли обученіе ц. сл. языку? Псалтирь проходитъ въ школѣ для цѣлей богослуженія и домашней молитвы, а для этого употребляется славянскій текстъ ея, и этому именно тексту ея нужно обучить дѣтей.

Но тамъ, гдѣ не достаетъ русскихъ переводовъ, авторъ совсѣмъ теряетъ подъ собою почву и то пользуется переводами изъ существующихъ букварей и сборниковъ, повторяя и чужія ошибки, то судить по вѣшнему сходству словъ, при чемъ иногда грубо извращаетъ смыслъ славянскаго текста, напр.: «*Ста въ чинѣ своемъ* (Церковь) — стала въ чинѣ своемъ, т. е. «остановилась въ своей

обычной жизни, пришла въ смущеніе» Это объясненіе онъ ставитъ въ кавычкахъ, но не указываетъ, откуда взялъ его. Полный текстъ этого выраженія: «ста въ чинѣ своемъ, достойно взываючи: слава силѣ Твоей, Господи» — ясно показываетъ не смущеніе Церкви и остановку обычной ея жизни, но, напротивъ, подъемъ жизни, полное возбужденіе ея. Греч. текстъ: ἔστι ἐν τῇ τάξει, αἰχμάτων, κραυγῶσαι. — Такіе переводы и объясненія, какъ: «ключи Дѣвы не вредивый» — неповредившій заключенной «утробы Дѣвы» только еще болѣе затемняютъ дѣло.

Нельзя не отмѣтить и небрежности, съ которою авторъ часто относится къ церковно-славянскому тексту. Напр. онъ цитуетъ: «пріятелище невмѣстимаго» и переводитъ: «вмѣстителище Невмѣстимаго». Въ подлинникѣ: «пріятелище нестерпимаго, село Невмѣстимаго». Цитата: «невлажными ногами», переводъ: «сухими ногами». Въ подлинникѣ: стопами. Цитата: «неплодящая (Церковь)», переводъ: «безплодная». Въ подлинникѣ: «языческая неплодящая Церковь» — и т. п.

Не будемъ отмѣчать другихъ недостатковъ этой книжки, которыхъ въ ней немало. И по указаннымъ мѣстамъ видно, что не слѣдуетъ пользоваться ею при обученіи ц.-сл. языку въ начальныхъ училищахъ. Единственный толково составленный отдѣлъ въ ней — переводъ и краткое объясненіе болѣе трудныхъ мѣстъ, встрѣчающихся въ псалмахъ, не вошедшихъ въ часословъ (2, 44—73). Хорошо здѣсь то, что авторъ старался точно держаться православныхъ толковниковъ псалтири, которые указали ему пря-

мой смыслъ и значеніе славянскихъ словъ и выраженій ея и не пустили его въ область существующаго русскаго перевода и собственныхъ соображеній. Но ради этого одного отдѣла не стоитъ покупать цѣлой книжки. Найдутся другіе, стоящіе того.

Бъ такимъ стоящимъ книжкамъ мы относимъ предпринятое преподавателемъ новгородской духовной семинаріи П. Н. Спаскимъ *Общедоступное изъясненіе псалмовъ наиболѣе употребительныхъ при богослуженіи*. Въ прошломъ году напечатанъ первый выпускъ его, заключающій въ себѣ «Шестопсалміе» (Новгородъ, 1886 г., пѣна 25 коп.). Въ слѣдующій выпускъ войдутъ псалмы, читаемые на часахъ.

«Принимая во вниманіе, говоритъ авторъ, то, что при богослуженіи исключительно, а въ быту домашнемъ преимущественно псалтирь употребляется на славянскомъ языкѣ, въ настоящемъ трудѣ своемъ мы предлагаемъ изъясненіе смысла и значенія псалмовъ именно по славянскому тексту» (Предислов.). Это вполнѣ отвѣчаетъ нуждѣ начальныхъ училищъ, въ которыхъ псалтирь проходитъ по тому же тексту.

Приемы изъясненія у автора вполнѣ отвѣчаютъ своей задачѣ — общедоступности ихъ: онъ не входитъ въ богословскія изслѣдованія; онъ ограничивается простымъ изложеніемъ ближайшаго смысла текста шагъ за шагомъ и старается ввести читателя въ духъ его, дать осязательно почувствовать особія, ничѣмъ незамѣнимыя, свойства его, почувствовать въ нихъ свое, родное для души, преданной

Богу и въ Немъ полагающей все свое упованіе. Тонъ изложенія бесѣда, совершенно простая, постоянно переходящая въ перифразъ текста, т. е. въ молитвенное настроеніе.

Книжечка эта очень полезна будетъ для учителей, какъ образецъ тона и духа, въ которомъ слѣдуетъ вести въ школѣ объясненія при чтеніи съ дѣтьми псалтири. Назначенная собственно «для простаго народа и вообще для людей малообразованныхъ», она доступна и для старшихъ учениковъ.

При чтеніи часослова и другихъ богослужебныхъ книгъ, для учителей полезно заpastись изданіемъ протоіерея Василя Михайловскаго (СПБ. домъ Вознесенской церкви, по Екатерининскому каналу): *Словарь Православнаго Церковно-богослужебнаго языка и свящ. обрядовъ*. Цѣна съ перес. 70 коп. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этого словаря, скажемъ только, что онъ пока единственный въ этомъ родѣ, притомъ полный и довольно точный. При немъ нѣни средствъ для выписки этого словаря, полезенъ будетъ изданный тѣмъ же авторомъ *Словарекъ несовсѣмъ понятныхъ словъ, встрѣчающихся во св. четвероевангеліи и въ православномъ богослуженіи*. Цѣна 4 к. Тутъ помѣщено только самое необходимое. Не можемъ только согласиться съ авторомъ (стр. 1, примѣч.), что «этотъ словарекъ удобно могутъ изучать и дѣти, только что начавшія читать по-русски бойко, прежде изученія всякихъ другихъ предложеній или сложныхъ уроковъ». Авторъ едва ли самъ пробовалъ эту мѣру на ученикахъ,

иначе онъ увидѣлъ бы всю трудность и бесполезность *такого* изученія для дѣтей. Старшихъ учениковъ можно пріучать къ пользованію этимъ словарькомъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ. I. Распоряженіе Епархіальнаго Начальства. II. Епархіальныя извѣстія. III. Объявленія.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ. I. Учебники и пособія для обученія церковно - славянскому языку въ начальныхъ училищахъ. II. Сборники, словари и другія пособія къ обученію цер.-слав. языку въ начальныхъ училищахъ.

Дозволено цензурою. Симферополь, 1-го Іюня 1889.
года. Цензоръ, Священникъ *Іоаннъ Тяжеловъ*.

Редакторы: Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *І. Знаменскій*.

Секретарь Консисторіи *А. Гроздовъ*.